

«Не следует мешать людям сходиться с ума»:
медико-социальный и художественный дискурсы
в повестях А.П. Чехова «Палата № 6»
и «Черный монах»

Маргарита М. Одесская

*Российский государственный гуманитарный университет,
Москва, Россия, mar-1432998@yandex.ru*

Аннотация. В фокусе нашего внимания – отношение Чехова к институту психиатрии как части социальной системы России конца XIX в. «Палата № 6» – бесценный материал по истории социальной медицины, сопоставимый с немногочисленными документальными свидетельствами земских врачей о состоянии психиатрии в русской провинции конца XIX в. В повести «Черный монах» актуализируется дискуссия вокруг темы *гений и безумие*, получившей новый импульс в эпоху *fin de siècle*.

Ключевые слова: Чехов, психиатрия, медико-социальный, художественный дискурсы, эпоха *fin de siècle*

Для цитирования: Одесская М.М. «Не следует мешать людям сходиться с ума»: медико-социальный и художественный дискурсы в повестях А.П. Чехова «Палата № 6» и «Черный монах» // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2022. № 6. Ч. 2. С. 213–223. DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-213-223

“We should not prevent people from going crazy”.
Medical, social and artistic discourses
in A.P. Chekhov’s “Ward no. 6” and “The Black Monk”

Margarita M. Odesskaya

*Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia,
mar-1432998@yandex.ru*

Abstract. The focus of our attention is Chekhov’s attitude to the institute of psychiatry as a part of Russian social system at the end of the 19th century. “Ward No. 6” is an invaluable material on the history of social medicine, comparable with the few documentary evidence of zemstvo (the county) doctors

about the state of psychiatry in the Russian province of the late nineteenth century. The story “The Black Monk” draws increasing attention to the discussion around the topic of genius and madness, which received a new impetus in the fin de siècle era.

Keywords: Chekhov, psychiatry, medico-social, artistic discourses, the era of fin de siècle

For citation: Odesskaya, M.M. (2022), “ ‘We should not prevent people from going crazy’. Medical, social and artistic discourses in A.P. Chekhov’s ‘Ward no. 6’ and ‘The Black Monk’ ”, *RSUH/RGGU Bulletin. “Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies” Series*, no. 6, part 2, pp. 213–223, DOI: 10.28995/2686-7249-2022-6-213-223

«Не следует мешать людям сходиться с ума», – так мотивирует свое бездействие и равнодушие доктор одной из провинциальных больниц, герой повести «Палата № 6».

Что делать с психически больными? Этот вопрос встал перед практической медициной и обществом в конце XIX в. Повести Чехова «Палата № 6» (1892) и «Черный монах» (1894) актуализируют и обостряют не только медицинскую, но и социальную проблему.

Психиатрия как самостоятельная часть медицины начала формироваться и сделалась объектом пристального изучения в России к началу 1890-х гг. Доктор-психиатр Н.Н. Баженов, который участвовал в создании больницы для душевнобольных в Рязани и сделал описание своей работы по реорганизации психиатрии в русской провинции, свидетельствует, что до 1890 г. в большинстве русских университетов «не было клинического преподавания психиатрии не только в провинции, но и в центрах, не было учреждений, имеющих право на наименование больницы для душевнобольных, а разве более или менее во всех отношениях неудовлетворительные дома для умалишенных с очень ограниченным количеством штатных мест; не было почти и практических врачей, которые бы интересовались этой областью медицины и посвятили себя ей»¹.

Лишь в конце XIX в. первые русские врачи начали активно ездить за границу и изучать опыт устройства психиатрических больниц, а также новые методы лечения больных. Приобретенные знания внедрялись в России, где стали появляться психиатрические больницы, устроенные по новому образцу. Вопросы

¹ *Баженов Н.Н.* Четыре с половиною года психиатрической деятельности в провинциальном земстве. М., 1890. С. 11.

психиатрии начали обсуждать на съездах земских врачей. К числу земских врачей-энтузиастов принадлежал Павел Арсеньевич Архангельский, автор 17 печатных работ по организации больничного дела. По поручению земств доктор сделал осмотр нескольких провинциальных заведений для душевнобольных, где жил в течение некоторого времени и вел наблюдения. Архангельский написал отчет о состоянии психиатрических лечебниц и в 1887 г. издал его отдельной книгой.

Чехов познакомился с П.А. Архангельским в 1884 г., когда после окончания университета практиковал в Воскресенске под руководством известного врача. В 1887 г., встретившись с Архангельским в Бабкине, Чехов прочитал «Отчет...» в рукописи и спросил у автора: «А ведь хорошо бы описать также тюрьмы, как Вы думаете?». А через три года он поехал на остров Сахалин, чтобы изучить и описать устройство тюрем. Что имел в виду Чехов, написавший Меньшикову, что отдал дань медицине в виде книги о Сахалине² (П. 5, 262), мы можем только предполагать. Как известно, писатель намеривался защитить докторскую диссертацию по книге «Остров Сахалин». Ставя в один ряд тюремоведение и медицину, Чехов тем самым показал, что его интересует социальный аспект медицины. Диссертацию Чехову защитить не удалось, думается, потому, что такие области знания, как социальная медицина, не рассматривались учеными советами в качестве предмета диссертационного исследования. А вот в художественных произведениях «Палата № 6» и «Черный монах», написанных как раз в 1890-е гг., отразились те идеи, которые циркулировали в обществе.

Чехов живо интересовался новыми тенденциями в психиатрии, о которых узнавал из медицинских журналов и книг, участвуя в съездах земских врачей, а также из личных бесед с коллегами-психиатрами. В «Отчете...» Архангельского Чехова скорее всего впечатлило очень детальное описание того, что составляет рутинную жизнь психически больных, окружающую их обстановку. Архангельский показал, какую важную роль играли проектирование здания лечебницы, выбор ее местоположения, удобства и питание, личная гигиена и одежда больных, распределение пациентов по палатам, обслуживание медперсонала. В заключении же Архангельский сравнивает новые больницы с домами для умалишенных старого образца и ссылается на статью доктора Шульца «Призрение помешанных в России», где отмечается, что «сумасшедшие

² Чехов А.П. Полн. собр. соч. и писем: В 30 т. М.: Наука, 1974–1983. Ссылки на данное издание даются в тексте с указанием серии (С. или П.), тома и страницы.

считались совершенно ненужными людьми, и все заботы направлены были к тому, чтобы оберечь общество от таких людей»³.

Архангельский представил картину «доземского» «сумасшедшего дома» так: «...это было совершенно не приспособленное помещение для содержания душевнобольных, напоминающее каземат, тюрьму, где никакого не было разделения больных по характеру болезни – этого основного принципа правильного ведения дела в психиатрических заведениях, вследствие чего постоянно стоял гвалт в заведении, на каждом шагу были драки. Нетрудно себе представить здесь же роль усмирителя с каким-нибудь аппаратом, напоминающим лошадиную сбрую <...> – все это придавало еще более ужасный вид положению душевнобольных. Недостаток врачебного надзора, когда врачи заходили в эти отделения мимоходом или в экстренных каких-либо случаях, производил то, что больные находились в полном распоряжении смотрителя и прислуги, которая, конечно, не скупилась на “кулаки”»⁴.

Почему же Чехов взял для повести «Палата № 6» не те идеальные условия, которые были созданы для душевнобольных в отдельных больницах в период реорганизации психиатрии, а все то страшное, о чем свидетельствует Архангельский в заключительной части своей книги, все то, что делает больницу похожей на тюрьму? «Палата № 6» создавалась в Мелихове, где Чехов параллельно обрабатывал свои впечатления от поездки на Сахалин. Кроме того, в этот период, работая санитарным врачом на эпидемии холеры, он непосредственно столкнулся с деятельностью земств по организации медицинского обслуживания. В письме к Н.М. Линтваревой Чехов рассказывает о реальном состоянии медицинского арсенала в провинции: «Холера на носу, а земство только теперь выписывает из Берлина шприцы Кантани и даже Эсмарховы кружки. У меня на 25 деревень одна кружка, ни одного термометра и только полфунта карболовой кислоты» (П. 5, 99). Медицинское оснащение мелиховской больницы мало чем отличалось от того, что увидел Чехов в тюремном лазарете на Сахалине и описал в книге «Остров Сахалин»: «Приводят мальчика с нарывом на шее. Надо резать. Я прошу скальпель. Фельдшер и два мужика срываются с места и убегают куда-то, немного погодя возвращаются и подают мне скальпель. Инструмент оказывается тупым, но мне говорят, что это не может быть, так как слесарь недавно точил его. Опять фельдшер и мужики срываются с места и после двух-трехминутного ожида-

³ Цит. по: *Архангельский П.А.* Отчет по осмотру русских психиатрических заведений. М., 1887. С. 288.

⁴ Там же. С. 291–292.

ния приносят еще один скальпель. Начинаю резать – и этот тоже оказывается тупым. Прошу карболовой кислоты в растворе – мне дают, но не скоро; видно, что эта жидкость употребляется здесь не часто. Ни таза, ни шариков ваты, ни зондов, ни порядочных ножиц, ни даже воды в достаточном количестве» (С. 14–15, 370). В книге «Остров Сахалин» находим и описание положения психически больных: «Психические больные, как я говорил уже, на Сахалине не имеют отдельного помещения; при мне одни из них помещались в селении Корсаковском, вместе с сифилитиками, причем один даже, как мне рассказывали, заразился сифилисом, другие, живя на воле, работали наравне со здоровыми, сожительствовали, убежали, были судимы» (С. 14–15, 365). Одной емкой фразой Чехов охарактеризовал отношение к психически больным на Сахалине: «Если бы здесь сумасшедших сжигали на кострах по распоряжению тюремных врачей, то и это не было бы удивительно, так как местные больничные порядки отстали от цивилизации по крайней мере лет на двести» (С. 14–15, 114).

Параллели и совпадения с положением пациентов «Палаты № 6» бросаются в глаза: Ивана Дмитриевича Громова, когда отправили в больницу, сначала поместили в палате для венерических больных (С. 8, 80). Палата № 6, как и сахалинская тюрьма, – место изоляции неудобных для общества людей. Палата для умалишенных не только организована как тюрьма, но и располагается напротив тюрьмы. Тюрьма на острове, с которого невозможно убежать, изолированная от остальной жизни, тюрьма, где применяются жестокие телесные наказания, унижающие личность, показывала бессилие государства перед преступностью. Таковую же беспомощность перед психическим заболеванием демонстрировала и медицина, не имеющая средств лечения и условий для содержания больных, не способная к правильной диагностике.

Чехов полемизирует с теми, кто возлагал большие надежды на деятельность земств в области социальной медицины. Он довольно сдержанно относился к деятельности земств по благоустройству больниц потому, что скорей всего понимал, что эта работа не носит системный, повсеместный характер, а примеры образцовых психиатрических больниц, представленные в «Отчете» Архангельского, единичны. О прогрессе в медицине знает и доктор Рагин, но лишь из газет. «Психиатрия с ее теперешнею классификацией, методами распознавания и лечения – это в сравнении с тем, что было, целый Эльбурс, – констатирует доктор. – Теперь помешанным не льют на голову холодную воду и не надевают на них горячечных рубаш; их содержат по-человечески и даже, *как пишут в газетах*, устраивают для них спектакли и балы» (С. 8, 92. Курсив мой. – М. О.).

Но писатель говорит, что город, в котором находится больница с палатой № 6, – в двухстах километрах от железной дороги, и потому все новейшие достижения психиатрии нескоро сюда дойдут, и неизвестно, дойдут ли вообще. Ни психиатрия, ни существующая социальная система в целом, показывает Чехов, не способны оказать необходимую помощь, и все происходит по логике доктора Рагина: «Раз существуют тюрьмы и сумасшедшие дома, то должен же кто-нибудь сидеть в них» (С. 8, 96). А общество, по словам доктора, непобедимо, пока «ограждает себя от преступников, психических больных и вообще неудобных людей» (С. 8, 96). «Неудобным» человеком оказался, в конце концов, и сам доктор Рагин, и можно предположить, что каждый может попасть в подобную ситуацию, пока психиатрические заведения выполняют функцию тюрем.

Психически больные герои повестей – интеллектуалы. Мысли, которые высказывает пациент палаты № 6 Громов, полны здравого смысла и благородства, он прекрасно владеет искусством полемики, и потому неслучайно беседы с ним гораздо более интересны доктору, чем общение с «нормальными» жителями провинциального города. И если бы не диагноз – мания преследования, – поставленный автором-врачом герою, и симптоматика, характеризующая заболевание (постоянно напряженное состояние, гримасничанье, дрожь во всем теле, беспокойная ходьба из угла в угол, повышенная возбудимость, беспорядочная, лихорадочная речь и внезапный страх), можно было бы считать его протагонистом, исповедующим идеи, близкие самому писателю.

Магистр философии и психологии Андрей Коврин, герой повести «Черный монах», молодой талантливый ученый, страдает манией величия, сопровождающейся зрительными и слуховыми галлюцинациями. Чехов предупреждал, что «Черный монах» – «это рассказ медицинский, *historia morbi*. Трактуются в нем мания величия» (П. 5, 262). И.Н. Сухих указал медицинский источник, на который скорее всего ориентировался Чехов, работая над рассказом. Это «Курс психиатрии» С.С. Корсакова, изданный в 1893 г., который сохранился в библиотеке Чехова [Сухих 1987, с. 102–103].

Коврин считает себя гением. В контексте эпохи *fin de siècle* «гениальные безумцы» становятся объектом публичного внимания, возбуждая, с одной стороны, неоромантический интерес к необыкновенной личности, а с другой – неопозитивистское опровержение «культы героя». Немецкий психиатр Макс Нордау, известный как один из яростных ниспровергателей «гениальных безумцев», в книге «Вырождение» делает медико-социологическое исследование деятельности выдающихся личностей. С этой книгой Чехов был знаком, и, хотя он отозвался об ее авторе

крайне нелицеприятно, отклик на идеи Макса Нордау слышится в «Черном монахе».

Макс Нордау пишет, что в настроении *fin de siècle* психиатр легко узнает черты вырождения и истерии. Вырождение, по его мнению, в первую очередь, связано с наследственностью. Кроме того, развитие цивилизации, ритм жизни больших городов, огромный поток информации приводят к утомляемости, усталости, психопатии и неврастеники. Психопаты, говорит Нордау, склонны подчеркивать свою острую возбуждаемость, высокую чувствительность к музыке, к поэзии, к прекрасному, что, по их мнению, отличает их от профана, «грубым нервам которого недоступно понимание красоты. Несчастные не подозревают, – иронизирует автор, – что они гордятся болезнью и хвастаются помешательством»⁵. Неврастеники и психопаты стремятся отличаться от простых людей, им необходимо идентифицировать себя с гениями, личностями, превосходящими окружение. Нордау говорит, что наука не утверждает, будто бы «всякий гений – непременно сумасшедший», а всякий помешанный – гений. Специалист способен отличить здорового гения от «выродившегося субъекта высшего порядка». И далее Нордау проводит очень важное отличие здорового гения от «вырожденца»: «Отнимите у гения дарование, которое ставит его так высоко над толпой, и он тем не менее останется человеком очень умным, дельным, нравственным, здравомыслящим, который с честью займет всякое общественное положение. Но попробуйте отнять у психопата его дарование, и вы получите только преступника или сумасброда, ни к чему не пригодного в жизни»⁶.

Бросается в глаза, что симптоматика «гения-безумца», сделанная Нордау, удивительно соответствует описанию поведения Коврина. Магистр в рассказе Чехова приехал из города по совету доктора в деревню, оттого что «утомился и расстроил себе нервы» (С. 8, 226). Много работая, он курит сигары и пьет вино (эти особенности поведения психопатов и неврастеников также отмечены Нордау). Таланты передались Коврину, как говорит Песоцкий, по наследству от матери, по наследству же ему передалась и ее болезнь – чахотка. «Коврин слушал музыку и пение с жадностью и изнемогал от них» (С. 8, 232). Кстати, и галлюцинации его появляются от восторга, вызванного музыкой. Он легко возбудим, чувствителен к запахам цветов, впадает в состояние эйфории. Коврин счастлив от того, что во время галлюцинаций черный монах внушает ему мысли об из-

⁵ Нордау М. Вырождение: Современные французы. М.: Республика, 1995. С. 35.

⁶ Там же. С. 37.

бранничестве, превосходстве над толпой, над заурядными людьми. После галлюцинаций Коврин чувствует прилив сил, вдохновение, способность работать и любить. Чехов, как и Нордау, показывает, что если у гения-безумца отнять то, что отличает его от других, то более отчетливо проявятся признаки заболевания: когда Коврина начали лечить, и у него исчезли эмоциональный подъем, вдохновение, он стал раздражителен, придирчив, груб.

Кроме того, не ясно, был ли действительно Коврин гением. Гением себя считал он сам, находя подтверждение у своей галлюцинации, а также вначале у любящих его Песочких. Таким образом, рассматривая эту повесть в контексте эпохи *fin de siècle* и теории вырождения, можно предположить, что Чехов, как и Нордау, облачает своего «гениального безумца», описывая симптоматику болезни героя, предлагая читателю познакомиться с его *historia morbi*. И это медико-клинический аспект повести.

Но есть в повести и другой аспект, связанный с романтической традицией, с ее вниманием к экстраординарным событиям и людям с необычным поведением. Хотя читателю не ясно, был ли Коврин гением, в повести показано, что он творческая личность, испытывает экстаз вдохновения и страдает от непонимания его близкими. Одиночество экстраординарной личности в чуждой среде – типичная тема романтического произведения.

«Черный монах» напоминает повесть писателя-романтика В.Ф. Одоевского «Сильфида» (1837)⁷. Сумасшествие героя, как показывает Одоевский, – это бегство романтического героя в другой мир, далекий от пошлости обыденной жизни, который доступен не всем. Сумасшествие Коврина – это тоже уход в иллюзорный мир. Даже легенда о мираже черного монаха, который отражается в слоях атмосферы и тысячу лет путешествует по всему миру, напоминает алхимическую легенду о сильфах. Отличается финал: у Одоевского – горькая ирония над тем, что герой после лечения стал заурядным человеком, у Чехова – магистр после долгого лечения и возвращения к обыденной жизни все же умирает счастливым, потому что перед смертью ему снова явился черный монах, посланец из другого мира.

Тема сумасшествия важна для Одоевского, но его внимание привлекает не клиническая болезнь сама по себе, а гениальные безумцы, такие как Бетховен («Последний квартет Бетховена»). У безумцев Одоевского – обостренная чувствительность, талант видеть и слышать то, что другим недоступно. Но за дарованный

⁷ Р.Г. Назиров считает, что Чехов полемизирует с романтической традицией, подхваченной декадентской литературой, возвышения и поэтизации безумия [Назиров 2005, с. 42–57].

талант человеку приходится расплачиваться: он теряет земные радости, доступные обыкновенным людям («Импровизатор»). В произведениях Одоевского экстаз вдохновения, творчества, духовное прозрение воспринимаются обыкновенными людьми как сумасшествие, и, как это характерно для романтизма, поэзия творчества и пошлость обыденности противопоставлены друг другу.

Повесть Чехова «Черный монах» тоже может быть воспринята как противопоставление гениальных безумцев нормальным людям толпы. Тема избранничества и толпы имеет, как известно, традицию в русской литературе. Несомненно, такая постановка вопроса была очень актуальна для искусства конца XIX в. Черный монах – alter ego магистра – исповедует ницшеанские идеи о культе незаурядной личности. Отношение Чехова к Ницше было неоднозначным, однако впечатление, произведенное его философией, отразилось в «Черном монахе».

В повести Чехова конфликт между «гениальным безумцем», воплощающим неоромантическую, ницшеанскую модель поведения, и семьей, старающейся вернуть его к «нормальной» жизни, приобретает высокую степень остроты. Страдают обе стороны. С точки зрения Тани, болезнь мужа разрушительна не только для него самого, но и для близких людей. Коврин, по ее мнению, явился причиной распада семьи, гибели прекрасного сада и смерти отца. В то же время Коврин упрекает жену и тестя за то, что его лечили и помешали сходить с ума, потому что только в состоянии экстаза вдохновения, испытываемого во время галлюцинаций, он был истинно счастлив: «Я сходил с ума, у меня была мания величия, но зато я был весел, бодр и даже счастлив, я был интересен и оригинален. Теперь я стал рассудительнее и солиднее, но зато я такой, как все: я – посредственность, мне скучно жить» (С. 8, 251). В словах магистра выражено типично романтическое представление о том, что цивилизация и культура создаются безумными гениями: «Как счастливы Будда и Магомет или Шекспир, что добрые родственники не лечили их от экстаза и вдохновения. <...> Доктора и добрые родственники в конце концов сделают то, что человечество отупеет, посредственность будет считаться гением, и цивилизация погибнет» (С. 8, 251–252). Родственники и в самом деле не понимают Коврина и бесцеремонно вторгаются в его внутренний мир, навязывая лечение, обезличивающее и, по существу, разрушающее его. Более того, Таня даже обвиняет своего мужа в том, что тот болен: «Я приняла тебя за необыкновенного человека, за гения, я полюбила тебя, но ты оказался сумасшедшим» (С. 8, 255).

Чехов сталкивает в повести два противоположных взгляда на проблему: медико-клинический и художественный, романти-

ческий. И похоже, что ни один из этих подходов не предлагает практического решения проблемы положения психически больных в обществе. Писатель показывает бессилие современной ему медицины, использующей одни и те же средства для лечения всех видов нервно-психических заболеваний, никак не дифференцируя их. Коврину прописали бромистые препараты, теплые ванны, молоко, свежий воздух, режим дня – стандартный набор средств, пригодный при любых заболеваниях. Читатель «Палаты № 6» и «Черного монаха» оказывается в логическом тупике. Доктор Рагин, прописав Громову холодные примочки на голову, лавровишневые капли, по существу не лечит своих больных, потому что не верит в эффективность лечения и считает, что «не следует мешать людям сходить с ума». Доктора и родственники в повести «Черный монах», напротив, лечат Коврина и мешают, по его словам, сходить с ума. И в том, и в другом случае результат негативный: герои страдают.

Не предлагая конкретного решения проблемы, писатель актуализирует ее и предельно обостряет. Чехов иронизирует над универсальными средствами лечения, подчеркивает, что нет единого рецепта, который можно использовать во всех случаях. Скорей всего, он понимал недостаточность медикаментозного лечения психически больных. Чехов показал важность психологического воздействия врача на пациента, необходимость умения вести с больным диалог на равных, что делает герой повести «Палата № 6» доктор Рагин. В обществе, где психически больные не признавались равноправными, такие методы лечения не существовали, и потому коллеги Рагина воспринимают доктора, беседующего с пациентом, как сумасшедшего. Методы психологического воздействия на пациента станут достоянием психиатрии и начнут входить в лечебную практику позднее, после достижений, сделанных в области психоанализа Зигмундом Фрейдом, Карлом Юнгом.

В повестях «Палата № 6» и «Черный монах» Чехов поставил читателей перед вопросами, которые не ставились до него художественной литературой. Он показал, что психически больные люди, как и арестанты, – социально незащищенная, бесправная часть общества. Не зная средств решения проблемы, общество отгораживается от психически больных. Положение психически больных в семье – это тоже важный и актуальный вопрос, на который нет однозначного ответа и который нуждается в изучении в той же степени, что и методы лечения. Проблема *гений и безумие*, созвучная эпохе, освещена в повести двойным светом и остается открытой.

Литература

- Назирова 2005 – Назирова Р.Г. Чехов против романтической традиции: к истории одного сюжета // Назирова Р.Г. Русская классическая литература: сравнительно-исторический подход: Исследования разных лет: Сб. статей. Уфа: РИО БашГУ, 2005. С. 42–57.
- Сухих 1987 – Сухих И.Н. Проблемы поэтики А.П. Чехова. Л.: Изд-во ЛГУ, 1987. 180 с.

References

- Nazirov, R.G. (2005), "Chekhov against the Romantic tradition. On the history of one plot", in Nazirov, R.G. *Russkaya klassicheskaya literatura: sravnitel'no-istoricheskii podkhod: Issledovaniya raznykh let: Sbornik statei* [Russian classical literature. Comparative historical approach. Studies of different years. Collection of articles], Ufa, Russia, pp. 42–57.
- Sukhikh, I.N. (1987), *Problemy poetiki A.P. Chekhova* [Issues of A.P. Chekhov's poetics], Leningrad, Russia.

Сведения об авторе

Маргарита М. Одесская, доктор филологических наук, профессор, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия; 125047, Россия, Москва, Миусская пл., д. 6; mar-1432998@yandex.ru

Information about the author

Margarita M. Odesskaya, Dr. of Sci. (Philology), professor, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia; bld. 6, Miusskaya Sq. Moscow, Russia, 125047; mar-1432998@yandex.ru